

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ В. Г. БЕЛИНСКОГО С Т. Н. ГРАНОВСКИМ, П. Н. КУДРЯВЦЕВЫМ, М. С. КУТОРГОЙ И Н. В. СТАНКЕВИЧЕМ

Публикации М. Барановской, Н. Мордовченко,
В. Сорокина и Н. Эфрос

Письма Белинского впервые были объединены с максимальной для своего времени полнотою (свыше трехсот) в трехтомнике, вышедшем в свет в 1914 г. под редакцией и с примечаниями Е. А. Ляцкого.

В основу этого издания положен фонд писем великого критика, собранных (в оригиналах и в очень тщательных копиях) А. Н. Пыпиным в процессе его работ над книгой «Белинский, его жизнь и переписка» (1876). Не проводя специальных архивных разысканий, Е. А. Ляцкий дополнил коллекцию Пыпина всеми публикациями писем Белинского в журналах, газетах и в основных историко-литературных изданиях с 1855 по 1914 гг. Весь этот круг печатных источников был обследован настолько внимательно, что пропусков в трехтомнике почти не оказалось. Больше того, те немногие публикации писем Белинского, отсутствие которых в трехтомнике мы считаем сейчас пробелом, самим Ляцким не учитывались, возможно, по принципиальным соображениям. Так, например, письма Белинского к С. Т. Аксакову от 10 марта и 22 октября 1838 г., опубликованные В. Е. Якушкиным («Русская старина», 1900, кн. V, стр. 417 и 422), Е. А. Ляцкий, видимо, рассматривал не как письма обычного типа, а как официальные документы. Так, несколько строк из письма Белинского к Н. М. Сатину о Лермонтове, которые сам Н. М. Сатин цитировал в своих воспоминаниях (сб. «Почин», М., 1895, стр. 240), Е. А. Ляцкий мог считать не точной цитатой, а позднейшей мемориальной записью.

За тридцать пять лет, отделяющих нас от издания Е. А. Ляцкого, в научный оборот вошло очень мало неизвестных ранее писем Белинского (всего 10). В этом отношении не оправдались надежды исследователей и на архивы, открывшиеся после Октябрьской революции.

Политическая репутация Белинского, с одной стороны, и самый характер его корреспонденции — с другой, обусловили, видимо, уничтожение писем критика их получателями еще при жизни самого отправителя или сразу же после его смерти, в условиях цензурно-полицейского террора между революцией 1848 г. и Крымской войной.

Не случайно мы совершенно не располагаем письмами Белинского к его ближайшим друзьям за время становления кружка Станкевича, за годы работы критика в «Телескопе» и в «Молве».

Письма эти были полностью уничтожены еще осенью 1836 г., в пору привлечения Белинского к дознанию об обстоятельствах появления в журнале Надеждина знаменитого «Философического письма» П. Я. Чаадаева.

«Думаю, что безошибочно могу указать, что бумаги Надеждина (редактора «Телескопа») находятся в руках некоего Билинского, его сотрудника по журналу, который и заменял его во время его отсутствия и который, вероятно, и есть его самое доверен-

ное лицо», — писал 27 октября 1836 г. министр народного просвещения и начальник Главного управления цензуры С. С. Уваров начальнику III Отделения и шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу. После доклада об этом императору Николаю, Бенкендорф сделал на письме Уварова отметку: «Государь приказал, дабы к<нязь> Голицын не медля велел бы схватить все бумаги В. Белинского, обыскав бдительно и узнав, не спрячены ли у кого-либо другого, за что впоследствии времени Белинский строго бы отвечал» (цитируем по подлиннику из архива Пушкинского дома; ср. М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 416).

Белинский и его друзья во-время были предупреждены об этом Я. М. Неверовым, работавшим в аппарате С. С. Уварова («Переписка Станкевича». М., 1914, стр. 621; «Русская мысль», 1911, кн. VI, стр. 43), чем и объясняется, кстати сказать, тот факт, что при задержании Белинского 15 ноября в его бумагах уже «ничего сумнительного не оказалось».

Прошло двенадцать лет. Вызов Белинского 20 февраля 1848 г. в III Отделение прозвучал и для него самого и для его друзей предостережением гораздо более грозным, чем паника в общественно-литературных кругах в момент ликвидации «Телескопа».

«Стоит только вспомнить начало 1848 года и репрессивные меры, принятые у нас вслед за февральской революцией в Париже, — отмечал в своих воспоминаниях И. Н. Тютчев, — чтобы понять, какое впечатление должно было произвести неожиданное и загадочное появление жандарма в квартире Белинского» («Письма», III, 450).

Этот переполюх имел в виду Некрасов, рассказывая в своем письме к Н. Х. Кетчеру о том, как «беспощадно, но весьма основательно» Белинский «жег перед смертью своею все, что казалось ему делом молодости и вертопрашества» («Записки Отдела рукописей Всес. библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 9, М., 1940, стр. 11). Новая «чистка» обусловила гибель важнейших фондов переписки Белинского петербургской поры. А все то, что могло уцелеть после этих двух пересмотров бумаг и писем великого критика, его корреспондентам пришлось спешно уничтожить в 1849 г., когда на процессе петрашевцев неожиданно всплыло, как основной документ обвинения, вальдбрунское письмо Белинского к Гоголю, когда стало известно, что за распространение этого письма выносились смертные приговоры, что за недонесение о нем угрожали каторжные работы.

Полностью уничтожены были, вероятно именно в это время, письма Белинского к Грановскому, Галахову, Коршу, Огареву, Некрасову, Кронебергу, Н. Н. Тютчеву, А. А. Комарову, М. А. Языкову, большая часть писем к Герцену (они хранились в Москве), Кетчеру, Кавелину, Кудрявцеву, Панаеву, Щепкину.

Политически компрометировал, с точки зрения органов государственной охраны, уже самый факт знакомства с Белинским, даже в пору его молодости. Не случайно, когда в бумагах Н. М. Сатина, арестованного в феврале 1850 г., обнаружены были два старых письма Белинского, ему предложен был на следствии специальный «вопросный пункт»: «Объясните подробно, по какому случаю вы были знакомы со столь безнравственным человеком, каким был Белинский, который во всю жизнь свою действовал и рассуждал вопреки правительству, вере и совести» («Красная новь», 1936, кн. VII, стр. 231).

Всем сказанным достаточно объясняются более чем скромные результаты, которые были получены в итоге организованных редакцией «Литературного наследства» специальных поисков неизданных эпистолярных материалов, относящихся к Белинскому, несмотря на то, что поиски эти велись во всех основных архивохранилищах страны.

В настоящем томе публикуются письма Белинского к М. С. Куторге (1) и П. Н. Кудрявцеву (1) и письма к Белинскому Н. В. Станкевича (1), Т. Н. Грановского (1) и совместное письмо Т. Н. Грановского и Н. В. Станкевича (1).

Во втором томе настоящего издания печатаются обширная переписка Белинского с родными и выборочная публикация 80 писем современников о Белинском.

Р е д а к ц и я

Н. В. СТАНКЕВИЧ — В. Г. БЕЛИНСКОМУ

«Москва, середина апреля 1837 г.»

Любезный Белинский! Я хотел писать к Мише. Начал, вставил немецкие фразы: но все это будет подозрительно. Напиши лучше ты ему, сделай милость, несколько строк. Иван сей час отнесет на почту, — но не выкидай из головы, что письмо твое может попасть в чужие руки. Вот [тема] главное: 1. если он не выехал и ему нужны деньги (может он в дороге), то ты нашел их — пусть скорей напишет. [Если] 2. Что меня доктор гонит в деревню, требовал сначала, чтобы я выехал на святой, сердится и говорит, что я должен выехать из Москвы не позже как в последних днях святой или на Фоминой, если не хочу еще заболеть. Что [я впрочем] [если ты не ошибся, то я говорил, что] я еще раз буду в Москве [для паспорта и публикации] проездом, но [теперь жду] все-таки не хочу уехать, не видав его; хочу услышать от него про их семейство, поговорить и пр. Что он должен здесь быть [не позже] на Святой, ибо мне неизбежно выехать в воскресенье на Фоминой, но если Варвара > Алекс<андровна> и Саша не поправились, делать нечего — увижусь с ним позже. [Пусть?] говорит, что я буду в Москве].

Твой С т а н к е в и ч > [не забудь о публикации]

Приписка сверху: Как дела твои?

Автограф (черновой). ГИМ. Ф. 351 (Письма Н. В. Станкевича к разным лицам) № 55, л. 190.

Публикуемая по черновику записка Н. В. Станкевича к Белинскому, без даты, несомненно, связана с пребыванием М. А. Бакунина (М и ш и) в Прямухине весной 1837 г. Это устанавливается сопоставлением записки с письмами Станкевича того же периода, в которых, как и здесь, говорится о болезни, перенесенной Станкевичем великим постом 1837 г., о предполагаемой поездке его в деревню на Фоминой неделе и в дальнейшем для лечения — за границу (ср. письма к Л. А. Бакуниной от 15 марта 1837 г. и к Я. М. Неверову от 25 марта и 5 апреля 1837 г. — «Переписка Н. В. Станкевича.

Как дела твои?
 Любезный Белинский! Я хотел писать к Мише. Начал, вставил немецкие фразы: но все это будет подозрительно. Напиши лучше ты ему, сделай милость, несколько строк. Иван сей час отнесет на почту, — но не выкидай из головы, что письмо твое может попасть в чужие руки. Вот [тема] главное: 1. если он не выехал и ему нужны деньги (может он в дороге), то ты нашел их — пусть скорей напишет. [Если] 2. Что меня доктор гонит в деревню, требовал сначала, чтобы я выехал на святой, сердится и говорит, что я должен выехать из Москвы не позже как в последних днях святой или на Фоминой, если не хочу еще заболеть. Что [я впрочем] [если ты не ошибся, то я говорил, что] я еще раз буду в Москве [для паспорта и публикации] проездом, но [теперь жду] все-таки не хочу уехать, не видав его; хочу услышать от него про их семейство, поговорить и пр. Что он должен здесь быть [не позже] на Святой, ибо мне неизбежно выехать в воскресенье на Фоминой, но если Варвара > Алекс<андровна> и Саша не поправились, делать нечего — увижусь с ним позже. [Пусть?] говорит, что я буду в Москве].
 Твой С т а н к е в и ч >

АВТОГРАФ ЗАПИСКИ Н. В. СТАНКЕВИЧА К БЕЛИНСКОМУ ОТ СЕРЕДИНЫ АПРЕЛЯ 1837 г.

Исторический музей, Москва

Н. В. СТАНКЕВИЧ

Рисунок неизвестного художника,
1837 г.

Исторический музей, Москва

1830—1840» М., 1914, стр. 521, 373, 378). Выехав в Прямухино 1 апреля 1837 г., Бакунин уже 17-го того же месяца вернулся в Москву (см. письмо Станкевича к Я. М. Неверову от 1 апреля 1837 г. — цит. соч., стр. 376, и письмо Бакунина к сестрам от 24 апреля 1837 г. в издании: М. А. Бакунин. Собр. сочинений и писем. Т. I, М., 1934, стр. 523). Таким образом, записка датируется серединой апреля 1837 г.

Содержание документа вполне объясняется обстоятельствами, вызвавшими указанное посещение Бакуниным Прямухина. По словам Белинского, Бакунин ездил туда «вследствие самой святой потребности своей души» («Письма», I, 117), т. е. для «борьбы за освобождение сестры Вареньки» (Варвары Александровны, в замужестве Дьяковой) из-под власти мужа. История этой борьбы подробно описана в известной книге А. А. Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина» (М., 1915). Бакунин, со свойственной ему страстностью, добивался, вопреки воле родителей, развода сестры, чем и навлек на себя их гнев. В Прямухине создалась крайне напряженная обстановка. Ею и вызвано опасение Станкевича, как бы письмо Белинского, адресованное Бакунину, не попало в «чужие руки» — подразумевается, вероятно, в руки его отца, А. М. Бакунина.

Что касается Станкевича, то он, будучи, как известно, женихом другой сестры Бакунина — Л. А. Бакуниной, в свою очередь, возбудил недовольство стариков Бакуниных, затягивая официальное оформление своего жениховства. К описываемому моменту отношения особенно обострились. Высказанная же Станкевичем готовность оказать В. А. Дьяковой денежную помощь и облегчить ей уход от мужа, должна была еще усилить раздражение родителей. Эти обстоятельства, очевидно, и удержали Станкевича отсылки письма в Прямухино и заставили его просить о том Белинского («напиши лучше ты ему»). Чтобы скрыть свою роль в деле, Станкевич внушает Белинскому необходимость конспирации. «Если... ему <Бакунину> нужны деньги, то ты нашел их». Исполнил ли Белинский его просьбу, не установлено. Позднее, в письме от 16 августа 1837 г., укоряя Бакунина за легкомыслие в денежных вопросах, Белинский вспоминал: «Уезжая в Прямухино... ты бросаешься то к тому, то к другому, чтобы достать нужную для поездки сумму. Приезжаешь также на заем...» («Письма», I, 117).

Упомянутые Станкевичем лица: И в а н, вероятно, его брат Иван Владимирович, В а р в а р а А л е к с а н д р о в и а — В. А. Дьякова, С а ш а — маленький сын Дьяковой.

Подчеркнутая в тексте фраза: «Я еще раз буду в Москве» означает — перед отъездом за границу. Станкевич думал, что маршрут его должен лежать через Москву (ср. письмо к Я. М. Неверову от 1 апреля 1837 г. — «Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840», М., 1914, стр. 376).

Вычеркнутые слова: «для паспорта и публикации» — имеют в виду получение заграничного паспорта и помещение обязательного в те годы, при выезде за рубеж, объявления об этом в печати.

Письма Станкевича к Белинскому сохранились не полностью. До сих пор в печати были известны лишь 12 из этих писем.

Н. Э ф р о с

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ и Н. В. СТАНКЕВИЧ — В. Г. БЕЛИНСКОМУ

$\frac{1 \text{ ноября}}{20 \text{ октября}}$ <18>38 <г.> Берлин

Рукою Т. Н. Грановского:

Вчера получили мы письмо твое, любезный Белинский. О впечатлении, которое произвела на Станкевича печальная весть, говорить нечего. Ты можешь это понять и без рассказов. Благодаря бога, он теперь здоров, довольно спокоен духом и потому перенес удар гораздо лучше, нежели я ожидал. Несколько месяцев тому назад это известие, вероятно, убило бы его.

Ее смерть была для всех нас страшною неожиданностью. О такой развязке никто не думал, а между тем, другая едва ли была возможна. Один из двух должен был очистить своею смертию жизнь другого. Разумеется, что это не утешение.

Насчет Станкевича не беспокойтесь: он спокоен и не пишет сам потому, что занят письмами к отцу и Вульфферту. Мне поручил он просить тебя не лениться: уведоь его обо всем, что теперь делается в Прямухине. Что ее сестры, родители, Мишель? Не скупись на подробности. Для Станкевича все это очень важно и положение дел в Прямухине его очень тревожит. Отчего Мишель не написал ему до сих пор ни полстроки? Где он теперь?

Признаюсь, у меня камень свалился с сердца, когда я прочел в письме твоем, «что тайна осталась для нее тайною». Если бы не это, то потеря была бы несравненно ужаснее — и я не знаю что бы было тогда с Станкевичем. Теперь он плачет только о ее смерти. Вчера я попросил его показать мне ее последнее письмо к нему. Он вынул его из ящика; в письме — засохшие цветы, присланные ею. Я также заплакал, хотя вообще не богат на слезы. —

Вчера по утру приехал сюда Вердер; его теплое, чисто человеческое участие в скорби Станкевича благотворительно действует на него. Он лучше нас понимает жизнь. Говорит, что он предвидел подобный конец: «потому что из писем ее ему веял дух другой жизни». Это правда. Припоминаю все, что он прежде говорил нам, я вижу, что он давно имел это предчувствие, хотя и не хотел его ясно высказать.

Пиши же. Твои письма всегда доставляли большое удовольствие Станкевичу; теперь они для него нужны. Пиши обо всем — о себе, о Наблюдателе, об общих приятелях. Кстати, о Наблюдателе — не хочешь ли взять меня в сотрудники?

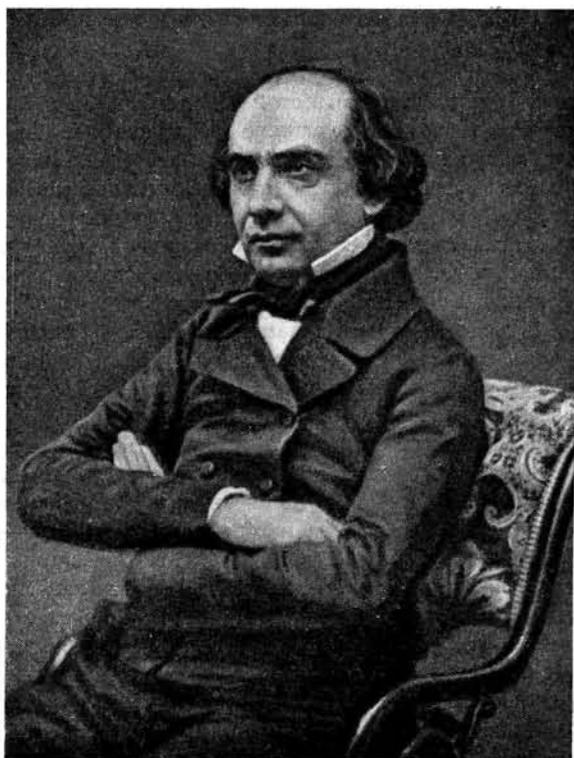
М о ж е т б ы т ь что-нибудь пришло, а в июле будущего года приеду сам в Москву. Кланяйся Ивану Владимировичу, Ключникову.

От всей души преданный тебе

Г р а н о в с к и й

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

Фотография Бергнера 1850 г.
с дагерротипа конца 1840-х гг.
Собрание М. Ю. Бараневской,
Москва

Разберешь ли мое писание? Пишу железным пером у Станкевича. Так как он держит письменный прибор только для посетителей, то все это в страшном беспорядке.

Он припишет сам несколько слов.

Рукою Н. В. Станкевича:

Благодарю, друг Виссарион, благодарю! Твое письмо, несмотря на известие, которое оно сообщает, было для меня спасительно. Ты собрал в нем все, что могло утешить меня. — Вы слишком много за меня боялись: смерть ее [для меня] наполнила меня грустью, но не отчаянием. Она оживила во мне ее образ, сделавшийся страшным сном. Я представляю себе все обстоятельства, все, что сопровождало ее в жизни, и мысль, что она не существует, заставляет меня плакать. — Я не снимаю вины с себя, хоть слова: «тайна осталась тайною», сняли половину горя с души. Наш добрый друг Вердер говорит мне: «если разум оправдает вас, сердце не может расстаться с сознанием вины — иначе в нем нет любви» и я сознаю ее. Этот период жизни отрезан, вечное воспоминание будет лежать над другим — дай бог, чтобы в нем было что-нибудь кроме воспоминания. Я пишу к отцу и Карлу. Грановский писал тебе, что мне нужно. Пиши смело о состоянии семейства, о Мише, о Бееровых, сегодня мне некогда.

Твой друг Станкевич

Автограф. ГИМ. Фонд 345, № 1, лл. 1—2 об. Первая половина письма, написанная Т. Н. Грановским, печатается впервые; вторая, принадлежащая Н. В. Станкевичу, опубликована в издании: «Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840», М., 1914, стр. 417—418. Дата письма — рукою Н. В. Станкевича.

Публикуемое письмо написано в Берлине во время пребывания там Т. Н. Грановского и Н. В. Станкевича и касается истории отношения Белинского к роману Станкевича с Л. А. Бакуниной.

Н. В. Станкевич в начале 1837 г. сделал предложение сестре М. А. Бакунина, своего близкого друга и деятельного члена кружка. Трудный роман Станкевича, полный сомнений «в истинности чувства», длился в течение трех лет. Уже после того как Бакунина стала официальной невестой Станкевича, его вновь охватили сомнения в его чувстве. Мучительный разлад совпал с обострением его болезни. Врач Станкевича, И. Е. Дядьковский, настоял на немедленном отъезде больного в Карлсбад. Станкевич, воспользовавшись действительно тяжелой болезнью, поспешил уехать «...или, вернее, бежать от предмета своей любви за границу, формально не разрывая своих отношений, не прощаясь, не повидавшись перед разлукой, потому что приличном свидании он не мог бы скрыть того, что происходило в его сердце» (А. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, стр. 303 и 309).

Путешествуя по городам Европы, Станкевич переписывался с Бакуниной, скрывая от нее истинное положение вещей. Белинский очень любил Бакунину. Отношения к ней Станкевича глубоко возмущало Белинского, не находившего оправдания своему другу: «Как — быть виною несчастья целой жизни совершеннейшего и прекраснейшего божьего создания, — писал он М. А. Бакунину. — Посулить ему рай на земле, осуществить его святые мечты о жизни и потом сказать: я обманулся в своем чувстве, прощайте. Этого мало: не смей даже и этого сказать, но играть роль лжеца, обманщика, уверять в... боже мой!» («Письма», I, 109—110).

Бакунина умерла 6 августа 1838 г. За несколько недель до ее смерти Станкевич писал Грановскому: «... нет, брак не по любви есть лицемерство. Пожертвование прекрасно, но оно должно быть истинно. Сколько святости, прекрасного, душевного развития имеет Любичька Бакунина. Я впрямь спрашивать себя: почему ты ее не любишь? Не есть ли это следствие твоей испорченности? Трудно отвечать на такой вопрос; но от этого не больше любви в моем сердце, и я остаюсь при прежнем решении, закрывая глаза перед следствиями» («Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840», М., 1914, стр. 453—454: письмо из Ахена от 25 июля 1838 г.).

Белинский, узнав о смерти Бакуниной, написал ее брату: «У меня были утраты в жизни и много могил представляется моему воображению в часы грустного раздумья, но истинную, действительную потерю я перенес только одну — она общая с тобою и со всем твоим семейством» (там же, стр. 216).

Белинский первый сообщил Станкевичу о смерти Любови Александровны. Она умерла, продолжая считать себя невестой Станкевича. Белинский писал: «...В первый раз письмо к тебе для меня тяжелый долг. Я бы и не стал совсем писать, но вижу, что кроме меня этого сделать некому. Приготовься услышать печальную весть: ее больше нет: она умерла... спокойно и тихо. Катастрофы не было: тайна осталась для нее тайною...» (там же, стр. 257—258).

Публикуемое письмо Грановского с припискою Станкевича и является ответом на цитируемое письмо Белинского от октября 1838 г. В письме упомянуты:

К а р л — Карл Антонович Вульферт, муж старшей сестры Н. В. Станкевича.

С е с т р ы Бакунины — Варвара Александровна, в замужестве Дьякова, Татьяна Александровна и Александра Александровна, в замужестве Вульферт.

В е р д е р — Karl Werder (1808—1893), немецкий философ-гегельянец и поэт с 1834 г. — профессор Берлинского университета. Был хорошо известен в кругах московской интеллигенции 40-х годов. Грановский и Станкевич, а также И. С. Тургенев были его слушателями и личными друзьями.

Н а б л ю д а т е л ь — журнал «Московский наблюдатель», неофициальным редактором которого в 1838—1839 гг. был Белинский.

И в а н В л а д и м и р о в и ч — младший брат Н. В. Станкевича.

К л ю ш н и к о в — несомненно Петр Петрович Ключников, врач, брат Ивана Петровича, известного члена кружка Станкевича. Сообщая Станкевичу о смерти Л. Бакуниной, Белинский писал: «За месяц до смерти Петр Ключников лечил ее. Он говорит, что для спасения ее опоздали пригласить его целым годом» («Письма», I, 258). Самая поездка П. П. Ключникова в Прямухино для лечения Л. Бакуниной была предпринята по просьбе Белинского («Письма», I, 201).

В. Г. БЕЛИНСКИЙ — М. С. КУТОРГЕ

«Петербург 30 декабря 1840 г.»

Любезнейший Михаил Семенович, виноват перед вами — без вины виноват, как говорит многознаменная русская поговорка. Я Краевскому все сказал, как следует, и он оставил у себя ваш адрес; я думал, что он уже и переговорил с вами, — как вдруг получил вашу записку третьего дня. Опять к нему, — и он просит и умоляет вас повидаться с ним на другой день нового года, потому что теперь он занят до того, что не находит времени пообедать: в 2 недели должен он приготовить книжку журнала, которая едва успевала печататься в 4 недели. На другой день нового года, по утрам, книжка выйдет, и вечером А. А. «Краевский» свободен, и это будет первый вечер, после целого месяца, в который он свободен.

Ваш покорный слуга В. Белинский

СПб., 1840, декабря 30.

Автограф. ИЛИ АН СССР. Ф. 357 (собрание В. И. Яковлева), оп. 2, № 21.

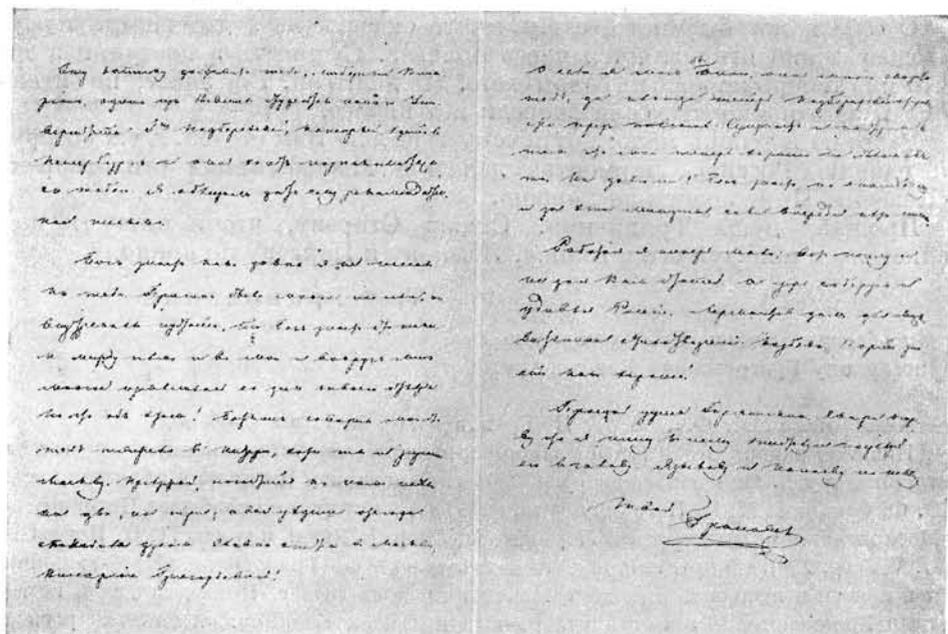
Михаил Семенович К у т о р г а (1809—1886) — профессор Петербургского университета по кафедре всеобщей истории с 1835 по 1869 г. Непосредственный преемник Гоголя по кафедре, М. С. Куторга был выдающимся ученым, специалистом преимущественно по древней и средней истории. Впоследствии одним из университетских слушателей М. С. Куторги был Чернышевский. С конца 30-х годов М. С. Куторга изредка

М. С. КУТОРГА

Фотография 1860-х гг.

Литературный музей, Москва

АВТОГРАФ ПИСЬМА Т. Н. ГРАНОВСКОГО К БЕЛИНСКОМУ ОТ МАЯ 1841 г.

Исторический музей, Москва

печатал свои работы в литературных журналах. Так, известны его «Исторические воспоминания путешественника. Версаль» («Отеч. зап.», 1839, т. VI, № 10) и «Исторические очерки Людовика XIV» («Современник», 1843, т. XXIX). Последнюю работу Белинский в своем обзоре «Русская литература в 1843 году» назвал «лучшей ученой статьей „Современника“, равно как и одной из лучших учено-беллетристических статей во всей прошлогодней журналистике» («Отеч. зап.», 1844, т. XXXII, № 1; ср. Полн. собр. соч. Белинского, т. VIII, стр. 414). Можно предполагать, что переговоры с редактором «Отечественных записок» А. А. Краевским, которых М. С. Куторга добивался через посредство Белинского и о которых идет речь в публикуемой записке, касались, очевидно, намерения М. С. Куторги напечатать в «Отечественных записках» какую-либо из своих статей. Однако никаких работ М. С. Куторги после 1839 г. на страницах «Отечественных записок» не появлялось, а письма М. С. Куторги к А. А. Краевскому, которые могли бы осветить историю их отношений, до нас не дошли.

В кругу корреспондентов Белинского имя М. С. Куторги до сих пор не было известно.

Н. Мордовченко

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ — В. Г. БЕЛИНСКОМУ

(Москва, май 1841 г.)

Эту записку доставит тебе, любезный Виссарион, один из бывших студентов нашего Университета г-н Подберезский, который едет в Петербург и очень хочет познакомиться с тобою. Я обещал дать ему рекомендательное письмо.

Бог знает как давно я не писал к тебе. Причин было много: то лень, то внутренняя пустота, то бог знает что такое. А между тем и во мне и вокруг меня многое изменилось со дня твоего отъезда. Но что об этом! Боткин говорил мне, что тебе тяжело в Питере, хотя ты и ругаешь Москву. Приезжай погостить к нам недели на две, на три; авось уедешь отсюда спокойнее духом. Славно спится в Москве, Виссарион Григорьевич!

О себе я мог бы много, очень много сказать тебе, да некогда теперь. Подберезский отправляется через полчаса. Сущность и поступки в том, что мне теперь хорошо на белом свете. На долго ли? Бог знает; но спасибо ему и за эти минуты, если впереди нет ничего.

Работаю я теперь мало; вот почему и не даю Вам статей. А уж соберусь и удивлю Россию. Лермонтов дал для Москвитянина стихотворение «Казбек». Чорт знает как хорошо.

Прощай, душа Тряпичкин. Скажи Огареву, что я пишу к нему эпистолу и поцелуй его в голову. Языкову и Панаеву по поклону.

Твой Грановский

На обороте письма: Его благородию
Виссариону Григорьевичу Белинскому.

Автограф. ГИМ. Ф. 345 (Т. Н. Грановского). № 1, лл. 5—6 об.

Письмо Грановского не датировано в оригинале, но установление его даты не составляет труда. Оно написано в мае 1841 г. Основанием датировки является письмо Ю. Ф. Самарина М. П. Погодину от мая 1841 г., в котором он сообщает Погодину для «Москвитянина» стихотворение Лермонтова «Спор» («Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. VI, стр. 236). «Спор», или, как его называет в письме Грановский, «Казбек» появился в печати в июньской книжке «Москвитянина» за 1841 г. Приведем здесь, кстати, отзыв Белинского об этом стихотворении в письме к Боткину: «...Сколько роскоши в „Споре Казбека с Эльбрусом“, хотя в целом мне и не нравится эта пьеса и хотя в ней есть стиха четыре плохих» («Письма», II, 252).

Отношение Грановского к Белинскому многократно освещалось в биографических и историко-литературных работах, хотя и далеко не всегда объективно. Подобно большинству выдающихся современников, Белинский в полной мере испытал на себе силу огромной личной обаятельности Грановского и признавал значительность роли, сыгранной его знаменитыми лекциями в пропаганде либеральных идей в русском обществе. Но это не мешало Белинскому со всей отчетливостью понимать, что в идейно-политическом отношении он и Грановский находились к началу 40-х годов в двух противостоящих друг другу общественных лагерях. Личные отношения сохранялись и попрежнему носили дружеский характер, но менее всего означали идейное единomyслие. Так, еще 29 сентября 1839 г. Белинский писал Н. В. Станкевичу: «Приезд Грановского и письмо твое наполнили меня тобою... Грановский есть первый и единственный человек, которого я полюбил от всей души, несмотря на то, что сферы нашей действительности, наши убеждения (самые кровные) — диаметрально противоположны; так что белое для него черно для меня, и наоборот» («Письма», III, 337—338).

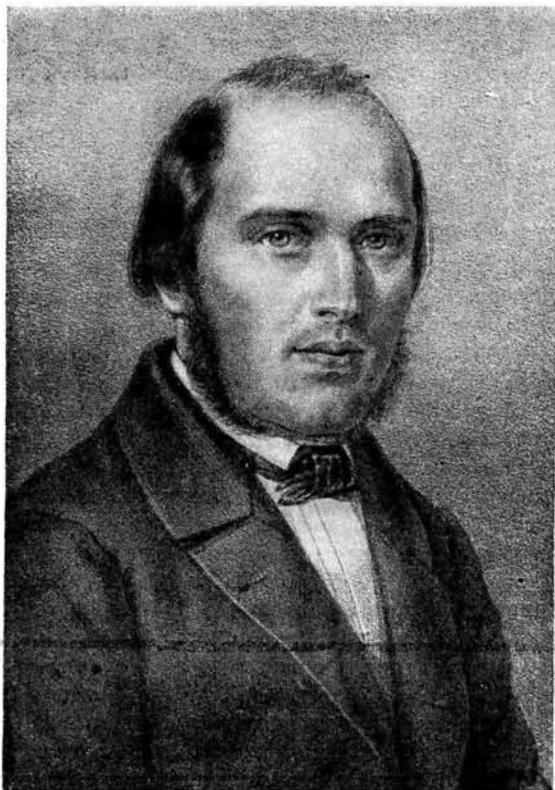
В первое время после переезда из Москвы Петербург производил на Белинского гнетущее впечатление. Грановский сообщил об этом Станкевичу 18 февраля 1840 г.: «... от Белинского вчера пришло письмо грустное и тяжелое. Ему не хорошо в Петербурге» («Т. Н. Грановский и его переписка». Т. II. М., 1897, стр. 383). Еще позднее, в начале 1841 г., В. П. Боткин вновь подтвердил отрицательное отношение Белинского к Петербургу, когда приехал в Москву в начале 1841 г. Но позднее Белинский не только примирился с Петербургом, но стал убежденным петербуржцем и не раз посмеивался над Москвой.

Приехав в мае 1848 г. в Петербург, Грановский 23 мая навещал Белинского. Об этом свидании он писал жене: «Был у Белинского. Он при последнем издыхании. Жена его сказала мне, что накануне моего приезда он был целый день в бреду и все говорил со мною. Он лежит в забытьи, но узнал меня, протянул мне руку, пожал мою и сказал: „Прощай, брат Грановский, умираю“. Страшно и больно». («Переписка Т. Н. Грановского». Изд. 1-е. Т. II. М., 1897, стр. 273).

На другой день после смерти Белинского Грановский писал: «Белинский умер вчера. Сейчас отправляюсь к Тютчеву, где сговоримся, как похоронить его и что на первый случай сделать для его семейства. Он не оставил по себе ни гроша, буквально. Горько

П. Н. КУДРЯВЦЕВ

Литография 1850-х гг.
с рисунка Ф. Г. Торопова
Исторический музей, Москва

и страшно подумать об этой участи. Мы дали свои деньги на погребение. Скажи московским друзьям, чтобы и они готовили деньги. Вдове и детям Белинского нельзя просить подаяния» (там же, стр. 274).

Память о Белинском Грановский сохранял до конца своей жизни. По свидетельству А. В. Станкевича, содержащемуся в его рукописных, неизданных мемуарах, «Грановский радовался всякому, хоть и робкому воспоминанию о Белинском, всему, что в последнее время, хотя косвенно, напоминало в наших журналах об имени, которое хотели истребить в нашей литературе. Мысль о забвении замечательного лица была прискорбна душе Грановского» (Рукописный отд. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

О Подберевском, с которым Грановский переслал свое письмо Белинскому, ничего более не известно, кроме того, что его звали Василием Степановичем и что он окончил Московский университет по юридическому факультету в 1840 г. (Архив Московского университета в Моск. обл. архивн. управлении).

М. Барановская

В. Г. БЕЛИНСКИЙ — П. Н. КУДРЯВЦЕВУ

СПб. 1846, марта 26.

Дражайший Петр Николаевич. Тысячекратно благодарю вас за дружескую готовность снабдить меня вашей повестью. Спешу уведомить вас, что мой альманах выйдет осенью, и что следовательно, если вы послали повесть, то [не беспокойтесь] вам нечего беспокоиться о том, что опоздаете. Если же не послали, то вышлите поскорее. Желал бы я узнать что-нибудь о вас, тем более, что обо мне вы кое-что знаете через Анненкова. Что вы, как вы? Да хранит вас судьба от сифилитического влияния шеллингианизма, пиэтистицизма [и неметкины?], это хуже всего. Надеюсь,

что вы здоровы и обретаетесь в духе. Затем, не имея ничего более писать, желаю вам всего хорошего. Жена моя, ее сестра вам усердно кланяются, а за мою дочь, по причине ее малолетства и безграмотности, кланяюсь вам я, равно как и за себя.

Ваш В. Белинский»

Автограф. Библиотека Московского университета им. М. В. Ломоносова, [Собрание П. Н. Кудрявцева.

Петр Николаевич Кудрявцев (1816—1858) — профессор Московского университета, ученик и приятель Т. Н. Грановского, в течение длительного времени являлся сотрудником тех изданий, в которых непосредственное участие принимал Белинский. Его литературная деятельность началась в 1836 г. в «Телескопе» (редактировавшемся в эту пору Белинским). Здесь напечатана его первая повесть «Катенька Пылаева». У Белинского в «Московском наблюдателе» он печатает и последующие повести («Две страсти», «Одни сутки из жизни холостяка»). Белинский высоко ценил талант Кудрявцева и видел в нем «глубокую и художественную натуру». В период деятельности Белинского в «Московском наблюдателе» повести Кудрявцева представлялись критику осуществлением принципа художественности и объективизма. В 40-х годах Белинский изменил свое отношение к ним. Он видит в повестях Кудрявцева отсутствие «всякого живого начала» («Письма», II, 270; III, 118). К марту 1845 г. Кудрявцев выехал за границу, где и пробыл до середины 1847 г. В эту пору Белинский ведет с ним оживленную переписку, из которой до сих пор были известны только 4 письма Белинского. Автографы этих писем в начале 900-х годов переданы были племянником Кудрявцева П. Копосовым в фундаментальную библиотеку Московского университета. Среди этих писем находится и публикуемое неизданное письмо Белинского к Кудрявцеву, относящееся ко времени пребывания последнего за границей. В этом письме идет речь об участии Кудрявцева в известном альманахе Белинского «Левифан». Кудрявцев предназначал для альманаха повесть «Без рассвета». Вместе с другими материалами альманаха Белинский передал эту повесть в «Современник», где она и напечатана («Современник», 1847, кн. 1).

В этом письме особенно замечательно желание Белинского уберечь Кудрявцева от пагубного влияния шеллингианства и вообще немецкой идеалистической философии. Кудрявцев слушал лекции Шеллинга в Берлине, и Белинский считал необходимым в каждом письме напоминать, что это немецкий Шевырев, переживший самого себя («Письма», III, 119).

В. Сорокин